

Хакан Алтинай

Глобальная
гражданственность

Московская школа
гражданского просвещения
2014

ББК 66.2
А 52

Перевод с английского языка *Инны Березкиной*

Дизайн обложки *Анны Хохловой*

*Книга издана при поддержке Института «Открытое общество» (HESP),
Норвежского института международных отношений (NUPI),
группы компаний «Рольф».*

Публикуется с разрешения Brookings Institution Press, Washington, DC, U.S.A.

Алтинай, Хакан.

А 52 Глобальная гражданственность. Перевод с англ. яз. (Избранные главы из книги Hakan Altinay ed. *Global Civics: Responsibilities and Rights in an Interdependent World*. — Washington: Brookings Institution Press, 2011). — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. — 96 с.

В размышлениях Хакана Алтиная — исследователя из Брукингского университета (США) и его беседах с известными учеными и лидерами общественного мнения представлены их взгляды на проект формирования и перспективы глобальной гражданственности как института, способного генерировать и реализовывать идеи, адекватные глобальным вызовам. В чем суть этого глобального актора регулирования мировых процессов? Что такое глобальный социальный контракт? Каковы возможности взаимодействия гражданского общества, национальных и международных институтов в переустройстве миропорядка на справедливых и нравственных основаниях? Ответы на эти и многие другие трудные вопросы позволяют получить представление об этой относительно новой области познания и практики существования во взаимозависимом мире.

ББК 66.2

Global Civics: Responsibilities and
Rights in an Interdependent World © 2011,
The Brookings Institution
© Московская школа гражданского
просвещения, 2014

ISBN 978-5-91734-040-1

Содержание

Глобальная ответственность для мира	4
Суррогатные дебаты	
Потребность в компасе	
Человек, родившийся семимиллиардным	
Всемирный занавес неведения	
Глобальный дисбаланс за занавесом неведения	
Важна ли справедливость?	
Важность дискуссий	
Как строить глобальную гражданственность	39
<i>Балвир Арора</i> , профессор политологии, бывший ректор Университета имени Джавахарлала Неру в Дели	
<i>Джонатан Фантон</i> , бывший президент фонда Джона Д. и Катрин Т. Макартуров в Чикаго и Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке	
<i>Дэвид Хелд</i> , профессор политологии и член совета директоров международного правления Лондонской школы экономики	
<i>Андрей Кортунов</i> , президент фонда «Новая Евразия», Москва	
<i>Иван Крестев</i> , председатель Центра либеральных стратегий, София	
<i>Рикардо Лагос</i> , бывший президент Чили и Мадридского клуба	
<i>Томас Погге</i> , профессор философии и международных отношений Йельского университета	
<i>Дани Родрик</i> , профессор международной политэкономии Школы управления имени Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете	
<i>Дингли Шен</i> , профессор международных отношений и исполнительный декан Института международных отношений при Университете Фудана, Шанхай	
<i>Хавьер Солана</i> , бывший министр иностранных дел Испании, бывший Генеральный секретарь НАТО и Верховный представитель Европейского союза по общей внешней политике и политике безопасности	

Глобальная ответственность для мира

Масштабные проявления глобальной взаимозависимости сегодня ни для кого не являются открытием. Финансовое воздействие США может стать определяющим для экономического роста в любой части мира; выбросы углекислого газа в Китае влияют на урожайность и жизнедеятельность на Мальдивских островах, в Бангладеш, Вьетнаме и за их пределами; эпидемия во Вьетнаме или Мексике отражается на США; радиоактивная утечка в Японии угрожает здоровьем людей во всем мире. Все более очевидно, что проблемы глобального уровня не имеют простых решений. Традиционно существовало два общих подхода к решению глобальных проблем.

Первый основывается на создании новых фондов и организаций. Когда стал очевидным дефицит инструментов глобального здравоохранения, был создан Всемирный фонд борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией.

Когда Интернет стал доступен по всему миру, его управление перешло к ICANN, международной некоммерческой организации по регистрации доменных имен. Ее отличие от традиционных организаций в том, что в своем управлении она допускает сотрудничество и с рядовыми пользователями Интернета, а это уже значительное отступление от общепринятых норм международных межправительственных организаций.

Второй подход к принятию всеобъемлющих решений опирается на международное право и на общепринятую парадигму общественного блага. Яркий пример — отношение к климатическим катастрофам. Парадигма общемирового общественного блага подразумевает некую соизмеримость, если не универсальность, с которой люди сообща отвечают на глобальную угрозу. Здесь есть свои издержки. Например, в ситуации необходимости конкретных коллективных действий многие воспринимают ожидание как давление; для других такая массовость, напротив, оказывается успокаивающим и освобождающим от принятия решения условием. Часто на периферии подобной темы обсуждения вообще не существует.

Обе эти модели основываются на веровании, что глобальное управление — не более чем техно-

кратическая головоломка, которая решается умным организационным планированием. Но предмет глобальных переговоров на деле есть социальный контракт, а не технократическая задача. Ключевой вопрос, на который нам всем необходимо ответить, — какова наша ответственность перед людьми, живущими в других странах. Несмотря на свою простоту, вопрос ставит в тупик своей фундаментальностью.

Попытка найти разумный ответ, если мы отнесемся к делу без спешки, паники и с должным вниманием, приведет нас к идее о *global civics* — глобальной гражданственности.

В обыденном понимании «*civics*» как гражданское право включает в себя привычный набор прав и обязанностей, вытекающих из понимания социального договора и гражданства в государстве. Что же такое «глобальная гражданственность»? Возможна ли она вообще и захотят ли люди «принять» ее?

Существует несколько убедительных возражений, выдвигаемых против концепции глобальной гражданственности. Естественно, легко найти аргументы против самой идеи ответственности перед семью миллиардами людей. Человечеству трудно похвастаться сколь-либо значимым опытом солидарности и сознательности всех людей; в лучшем случае этот опыт только начинает форми-

роваться и, таким образом, не может служить основанием для формулировки прав и обязанностей. К тому же пока опыт этот доступен немногим активистам и представителям мировой элиты, например тем, кто ежегодно собирается на мировом экономическом форуме в Давосе. Всегда можно сослаться на то, что любая гражданственность подразумевает гарантию исполнения обязанностей, а также участие в процессе управления государством. Поскольку мировое правительство отсутствует как таковое, стало быть, и разговоры о мировом гражданстве и глобальной гражданственности — не более чем фантазия.

Несмотря на весь скептицизм, я постараюсь продемонстрировать, что глобальная гражданственность на деле возможна.

Суррогатные дебаты

Скептицизм по поводу понятия глобальной гражданственности неудивителен, потому что все разговоры, которые когда-либо велись по этой теме, оставляют желать более глубокого и качественного подхода. Чтобы избежать прошлых ошибок, я хочу сразу обговорить все спорные моменты нашей теории.

Первый камень преткновения был заложен любителями теории «мирового заговора». По-

следователи этой идеи видят в каждой международной проблеме лазейку, которая позволит подобраться поближе к «федеральному мировому правительству». Они бы предпочли распределение благ через глобальные структуры, поскольку не верят в законность государств и, следовательно, в право государств давать гражданство и требовать от граждан взаимного исполнения условий общественного договора.

При этом они довольно слепо верят в международные схемы сотрудничества, не обращая внимания на обоснованные опасения, что многие государства, оказавшись участниками таких схем, передают свой суверенитет удручающе неадекватным международным институтам. Самое вероятное из негативных последствий состоит в росте недоверия к институту международного сотрудничества у людей, которые в принципе благосклонно относятся к возможности сотрудничества между государствами.

Другой подводный камень заложен последователями радикального космополитизма. Этот аргумент, выдвигаемый обычно небольшой, но влиятельной группой, исходит из морального осуждения заботы о собственной семье и близком круге больше, чем о всех остальных людях на Земле. Они исходят из необходимости пожертвовать всем для достижения такого равновесия в

мире, когда каждый человек будет находиться в равных благоприятных условиях. Есть верное описание подобных проповедников радикального космополитизма — озабоченные благополучием гипотетического человечества, они закрывают глаза на собственное несовершенство. В подобном подходе заложена некоторая моральная изворотливость, позволяющая им недооценивать тот факт, что современный капитализм улучшил уровень жизни миллиардов людей. Их не интересует то, что поучения редко приводят к результату. Как и последователи первой концепции, они настолько резки в суждениях, что ставят в тупик любого человека с рациональным подходом, который впоследствии будет склонен воздерживаться от любого разговора о глобальном сотрудничестве.

Третий подводный камень — дело рук the doomsday advocates, проповедников грядущего конца света, разобщенной категории людей, которые верят, что завтра будет хуже, чем сегодня или вчера. Нередко их сценарии судного дня нацелены на мотивацию людей к действию, потому предполагают вероятность позитивного исхода при условии, если действие будет массовым и безотлагательным. Но в большинстве случаев они не осознают всей непродуктивности кликушества. Так же они не признают и прогресс, достигнутый

человечеством благодаря поэтапным и последовательным проектам международного сотрудничества*. К тому же они забывают, что страх не является фактором мотивации для гигантской части человечества — молодых людей.

Четвертый и последний подводный камень оставлен нам циничными реалистами, которые с готовностью ввязываются в спор, приводя в качестве аргумента факт, что жизнь вообще несправедлива по сути, и лучше каждому задумываться о собственном развитии, чем питать бесплодные иллюзии и участвовать в не приносящем никакого результата международном сотрудничестве.

Многие из таких циников живут в развитых индустриальных странах, у них все попытки международного сотрудничества вызывают подозрение, а любое государственное содействие — скептическое отношение. Недооценивая важность предупредительных действий, они не осознают цену издержек неиспользованных возможностей. В развитом мире люди с циничными взглядами в любой попытке реформи-

* В книге «The Globalization Paradox (Norton, 2011) Дани Родрик приводит веские доказательства того, что грамотное глобальное управление — самый, если не единственный, разумный выбор.

вать международные организации видят заговор со стороны привилегированного меньшинства с целью упрочения своей власти. Проще разглагольствовать о бесчестности других, не имея и малейшего представления, как поступали бы они сами, изменись существующий порядок на более «честный». Циники разделились на разные группы и винят друг друга, чтобы оправдать свою позицию.

Потребность в компасе

Описанные нами подводные камни затрудняют саму попытку размышления о глобальной гражданственности. Людям довольно скоро будет почти невозможно сориентироваться в становящемся все более взаимозависимым мире, если мы не начнем задумываться о новом глобальном общественном договоре. У нас нет оснований полагать, что взаимозависимость не продолжится или не усилится в ближайшем будущем. Уже сейчас многие замечают, что неспособны полностью контролировать свою жизнь, что, в свою очередь, рождает отчуждение, тревогу и негативную ответную реакцию. Выбор, перед которым стоит человечество, ни в какой мере не означает беспомощности человека перед могуществом государств, это проблема

нового общественного договора. Чтобы не потерять в изменчивом мире возрастающей взаимозависимости, людям нужен компас и моральный камертон.

В мире, где взаимозависимость возрастает в прогрессии, необходим свод правил, новый общественный договор, который мы готовы сознательно и ответственно принять. Мы должны задаться вопросом: как велика наша ответственность перед другими людьми и что должно включать в себя понятие глобальной гражданственности. В этом нам помогут два следующих размышления.

Человек, родившийся семимиллиардным

Первым мыслительным экспериментом, который ставит перед собой задачу описать концепцию глобальной гражданственности, может стать гипотетическое обращение к семимиллиардному жителю нашей планеты. В качестве ежедневного упражнения каждому из нас не повредило бы потратить пятнадцать минут на составление маленькой приветственной речи для нашего гипотетического семимиллиардного нового товарища по планете, где мы рассказали бы ему или ей о жизни здесь. Этот разговор, пусть и вообра-

жаемый, помог бы нам собрать воедино наши представления о глобальной ситуации в мире, к которой мы все так или иначе причастны. К тому же это направило бы нас на путь осознания ответственности перед будущими поколениями и друг перед другом, которая неминуемо ляжет на наши плечи. Это и есть глобальная гражданственность.

Начнем с того, что расскажем нашему новому товарищу, что продолжительность его жизни может превзойти 70 лет, что в два раза больше, чем еще какие-то сто лет назад. Мы должны будем рассказать о том, что в мире доходы и благосостояние распределяются очень неравномерно и разрыв между ожидаемым качеством жизни и реальным склонен только увеличиваться. Мы не можем отрицать, что в распоряжении человечества сегодня находятся довольно эффективные инструменты здравоохранения, мы победили оспу и наверняка в течение нашей жизни будет положен конец малярии и полиомиелиту. На среднее образование приходится около 11 лет жизни, и в этой сфере диспропорция распределения ресурсов хоть и имеет тенденцию уменьшаться, но по-прежнему выглядит угрожающе. Если это будет девочка, мы скажем ей, что мир все больше ценит гендерное равенство, поэтому ей пове-

зет еще больше, чем ее маме или бабушке. Вдохновленные шансом быть первым, кто сообщает добрые вести, мы можем с уверенностью сказать, что возможностям новоприбывшего в этот мир мог бы позавидовать любой император или тиран из мира прошлого. Что до информации и знаний, то через Google, JSTOR или Википедию доступ к ним будет совершенно беспрецедентным и несравнимым с тем, которым располагали энциклопедисты и ученые прошлого. Однако мы не сможем обойти вниманием существенные риски. В послужном списке цивилизации есть в том числе и чудовищный опыт геноцида, но, несмотря на осознание того, что этот страшный опыт никогда не должен повториться, случись нашему семи-миллиардному товарищу столкнуться с геноцидом лицом к лицу, мы должны признать, что едва ли кто-то придет к нему на помощь. Нам придется объяснить новичку, что мировые военные державы не только бездействуют, вопреки своей обязанности защищать человеческие существа, но и препятствуют самоорганизации добровольцев.

Нам также придется рассказать новичку, что мы послужили причиной климатических изменений на планете, сначала по незнанию, а в последние 20 лет полностью осознавая как необрати-

мость процесса, так и весь масштаб последствий. Для нас не секрет, что недооценено влияние использования углеводов на окружающую среду и последующие поколения. На деле наше сегодняшнее благополучие обеспечивается за счет будущих поколений, потому что именно им придется расплачиваться по полной за все, что мы после себя оставим. Пока мы изобретали планы, как остановить истощение озонового слоя, мы упустили момент, когда еще можно было помешать глобальным изменениям климата. И еще нам придется добавить, что в течение десятилетий двадцатого столетия мировые державы ставили на кон жизнь всего человечества, умножая ядерное оружие, и что никогда еще человечество не стояло так близко к ядерному холокосту. И хотя договору о нераспространении ядерного оружия уже 40 лет, мы до сих пор не осознаем всей важности полного ядерного разоружения.

Так, в попытке составить приветственную речь для нашего нового семимиллиардного товарища, мы неминуемо приходим к необходимости критического анализа и признания объективной ответственности, которая лежит на нас перед другими людьми и будущими поколениями, в чем и состоит суть глобальной гражданственности. Поступать с другими так, как мы хотели бы,

чтобы поступали с нами, этот принцип и на сегодняшний день остается самым устойчивым критерием человечности.

Всемирный занавес неведения

Изучая предмет глобальной гражданственности, в следующем более конкретном мыслительном эксперименте мы должны рассмотреть проблему занавеса неведения. Это понятие ввел Джон Ролз в своей книге «Теория справедливости». Ролз предлагает рассматривать понятие справедливости как объект норм процессуального права, так и «честности». Но если мы понимаем справедливость как честность, то организующие общество принципы должны основываться, очевидно, на изначальном всеобщем равенстве, как и принципы социального взаимодействия и управления. А это значит — подразумевается незнание индивидуумом своего места в обществе и своей социальной принадлежности или того, какими он наделен природными дарованиями или общественными благами. То есть, иначе говоря, когда принципы справедливости определяются за занавесом неведения, такой подход исключает преимущества одних перед другими в каких бы то ни было обстоятельствах. Хотя в гипотезе Ролза угадывается кантианская концеп-

ция, можно возразить, что большинство философских и религиозных традиций основано на схожих установках. Максима, согласно которой мы ждем от других симметричного отношения к себе в сопоставимых ситуациях, является одновременно и простым высказыванием, и, возможно, одной из самых радикальных теорий в истории существования человечества*.

Рассмотрим мир за занавесом неведения. Для решения каких проблем мы установим в этом случае правила и принципы (находясь за занавесом неведения), а какие проблемы оставим для пристального рассмотрения? Что-то подсказывает мне, что мы решимся на установление правил только относительно явлений, не вызывающих у нас ни малейшего сомнения, в отличие от всех жизненно важных вопросов. Очевидно, что благосостояние не может быть распределено через глобальные структуры. Невозможно обеспечить счастливую жизнь, распределяя составляющие благосостояния через глобальные структуры, потому что понятие счастливой жизни включает еще и товарищество, дружбу, семью и любовь.

* Существуют и другие работы Ролза и его последователей на эту тему. Я считаю методологию Ролза в «Теории справедливости» более интересной, чем в другой, более поздней его работе «Право народов».

Таким образом, всеобщие правила, которые могут быть приняты за занавесом неведения, должны быть минимальными. И более того, эти новые регулирующие правила в идеале приведут к замещению собой большого сектора политики. Хотя, разумеется, большая часть проблем будет при этом решаться на региональном или национальном политическом уровне. Но условно принятые правила могут помочь нам сформулировать те исключительные вопросы, которые мы могли бы решать без привлечения политики, и одновременно это даст нам понимание основных вопросов, которые могут быть включены в сферу интересов глобальной гражданственности.

Представим себе, что мы находимся за занавесом неведения, а именно закладываем основы глобальной гражданственности. Мы неминуемо зададимся вопросом, каким мы хотели бы тогда видеть мир — управляемым всемирным правительством, мир как федерацию или же выберем мир, как совокупность стран-государств, готовых к сотрудничеству? Начиная с Канта и до возникновения Всемирного федералистского движения, многие приходили к идее мирового парламента. Однако, видя всю подноготную процессов (находясь за занавесом), мы были бы поражены тем, насколько непопулярным оказалось всемирное федералистское движение и,

напротив, насколько способны выдерживать испытания на прочность сообщества людей, говорящих на одном языке и проживающих на одной территории с единой историей. Будет довольно естественно, если наш выбор падет при этом на содружество стран-государств как на самую устойчивую из существующих форм, и мы будем питать искреннюю надежду, что эти страны будут более склонны к сотрудничеству, чем сегодня. Даже если отбросить идею занавеса, судя по результатам глобальных опросов общественного мнения, очевидно, что в странах, приверженных односторонним действиям, таких как Китай, Индия или США, население склонно в большей мере поддерживать действия таких организаций, как ООН или ВТО, даже если эти действия направлены против интересов их собственной страны*.

* См., в частности, данные исследования 2007 года «Мировая общественность благоволит глобализации и торговле, но предпочитает защитить окружающую среду и сохранить рабочие места», проведенного Центром изучения общественного мнения при Университете Мэриленда. Большинство китайцев, индийцев и американцев поддерживают решения ООН о применении военной силы в случаях грубых нарушений прав человека, таких как геноцид. www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/btglobalizationtradera/349.php?nid=&id=&pnt=349&lb=btgl.

Следующий существенный вопрос: устраивает ли людей капитализм как система производства и перераспределения благ? Начиная с луддитов и заканчивая первым Всемирным социальным форумом в Порту-Алегри в 2001 году, различные антикапиталистические группировки продвигали идею о том, что капитализм разрушает больше, чем создает, а также приводит к массовому неравенству и лишает людей человеческого достоинства. Однако за последние два столетия уровень материального благосостояния людей возрос беспрецедентно. Естественно, что в глаза бросается при этом существующее в мире неравенство: 2% населения планеты владеют более чем половиной глобальной экономики*. Понятно, что резкий рост неравенства доходов — это результат раннего процесса индустриализации Запада и его последствий в период с 1820 по 1950

* См.: James B. Davies and others. The World Distribution of Household Wealth (Мировое перераспределение бытового благосостояния) // Discussion Paper, World Institute for Development Economics Research, United Nations University, 2008 (www.wider.unu.edu/stc/repec/pdfs/rp2008/dp2008-03.pdf).

В этом же исследовании дается оценка коэффициента Джини в размере 0.892. The Boston Consulting Group's Global Wealth 2010 report (В докладе говорится, что 0,1 % всего мирового хозяйства владеет 21% мирового благосостояния, а 0,8% от мирового хозяйства принадлежат 38 % всех мировых активов.) См. также: Jorge Vecerra and others. Global Wealth 2010.

год**. Неравенство доходов хоть и достигло высокого значения, но с 1950 года оставалось стабильным, несмотря на общее ощущение, что на мировом уровне рост неравенства продолжался и в последние десятилетия.

Возрастающие коммуникация и осведомленность могут лишь отчасти объяснить несоответствие между общим ощущением неравенства и результатами исследований. Пока уровень неравенства доходов оставался стабильным в течение последних 50 лет, мы знаем, что во всем мире ситуация с неравенством и несоответствием ожиданий реальному качеству жизни все же плавно улучшалась. Среднестатистический человек сегодня имеет гораздо больше возможностей, чем во времена Чингисхана или Наполеона.

Regaining Lost Ground: Resurgent Markets and New Opportunities (Мировое благосостояние 2010. Восстанавливаясь в прежних позициях: возрождающиеся рынки и новые возможности). // Boston Consulting Group, June 2010; Branko Milanovic. Global Income Inequality: What It Is and Why It Matters (Глобальное неравенство доходов: что это значит и почему это имеет значение) // Working Paper, UN Department of Economic and Social Affairs, 2006 (www.un.org/esa/desa/papers/2006/wp26_2006.pdf). In «Global Civics» Тревор Мануэль задает вопрос, существует ли вообще такой уровень неравенства, который общество было бы готово принять, р. 65.

** См.: World Inequality in Historical Perspective // In: Branko Milanovic. Worlds Apart: Measuring International Global Inequality. — Princeton University Press, 2005. — P. 142.

При прочих равных условиях и несмотря на масштаб неравенства доходов капиталистический строй выглядит как оптимальный с точки зрения предоставленных человеку возможностей. При этом не стоит, конечно, сбрасывать со счетов несовершенство капиталистической системы и необходимость продолжать работать над уменьшением неравенства. Естественную озабоченность вызывает в этой связи высокомерие, присущее верхушке общества в капиталистической пирамиде, но и эту проблему, на мой взгляд, проще и эффективнее решать с помощью активистов и политиков, чем посредством любого нормативного ограничения.

Глобальный дисбаланс за занавесом неведения

Джон Ролз в своей книге «Теория справедливости» отметил, что когда принципы справедливости определяются за занавесом неведения, такой подход не исключает преимущества одних людей перед другими в каких бы то ни было обстоятельствах. Потому что максима, согласно которой мы ждем от других симметричного к себе отношения в сопоставимых ситуациях, является одновременно и простым высказыванием, и, возможно, одной из самых радикальных в истории

существования человечества. В развитии концепции глобальной гражданственности этот факт я рассматриваю как определенное откровение, полагая, что общество по инерции считает сложившееся произвольное положение вещей неизбежностью, с которой приходится мириться. Но концепция глобальной гражданственности как раз и призвана, на мой взгляд, помочь обществу отказаться от инерционных взглядов на существующий порядок вещей.

Конечно, не все вопросы имеют простое и изящное решение. Например, если бы я находился за занавесом неведения, я бы особенно пристально рассматривал риски, связанные с глобальными изменениями климата.

Математическое моделирование позволяет прогнозировать последствия влияния человеческой деятельности на климат. Результаты такого моделирования неоднозначны, однако показывают, что отношения человека и планеты скоро могут достигнуть «точки невозврата», за которой цепной реакцией последуют катастрофы, а те неминуемо повлияют на существование человека на Земле. Сложная динамика изменений климата усложняет проблему. Например, между выбросом углекислого газа в атмосферу и последствиями выброса могут пройти 30 лет. Отложенный во времени эффект ослабляет мотивацию измене-

ния поведения. Так многие люди продолжают курить, несмотря на доказанный вред курения, аргументируя свой выбор неготовностью отказаться от удовольствия сегодня, чтобы избежать последствий годы спустя, особенно если последствия отложены во времени на тридцать лет. К сожалению, даже если половина человечества готова одуматься и проявить благоразумие и сдержанность в своих привычках, то другая утянет первую половину за собой в могилу.

Понимая, что ставки высоки, а проблема очень серьезна, если бы я оказался за занавесом неведения в роли одного из «отцов-основателей», то ратовал бы за принятие ясного закона, который признал бы права на выброс углекислого газа и его эквивалентов в окружающую среду равными для всех. Во-первых, это вынудит определить безопасную норму выброса и разделить ее на семь миллиардов человек*. Для тех, чьи потребности будут превышать норму безопасного и равного для всех выброса, необходимо будет разработать приемлемую, контролируруемую схему или

* Уравнение выброса углекислого газа может показаться выдумкой, но немецкий канцлер Ангела Меркель и правительство Индии уже пользовались подобной формулой. См.: Хакан Алтинай «Меркель приведет к изменению климата», (<http://yaleglobal.yale.edu/content/merkel-leads-climate-change>).

же разработать систему кредитования на выброс углекислого газа. Развитые сообщества смогут получить кредитование на дополнительный выброс углекислого газа, предоставляя остальным взамен чистую продукцию и разработав систему уменьшения отрицательных последствий, а также внедряя новые технологии, но основное правило должно соблюдаться всеми без исключения*.

Принимая во внимание колоссальные последствия и сложность расчетов для глобальных экономик, разработчики правил, возможно, должны предусмотреть вариант установления какого-то суммарного порога выбросов вместо расчета интенсивности выбросов на душу населения.

Человечество уже бросило вызов судьбе, начав в XX веке производить атомное оружие. Разработчики новых норм за занавесом неведе-

* Хотя вопрос межпоколенческого и международного разделения ответственности привлекает к себе пристальное внимание, вопрос технического прогресса не менее важен. Увеличение температуры защитного слоя Земли на 2 градуса по Цельсию приведет к необходимости сократить ежегодный выброс углекислого газа к 2050 году с 40 до 20 гигатонн. Надо помнить, что сокращение объемов выбросов будет происходить на фоне растущего населения и экономики. Таким образом, задача усложняется и вряд ли будет решена без помощи новых разработок и научно-технических открытий.

ния не могут не принимать во внимание вероятность ядерного холокоста. Несмотря на то что ядерные арсеналы сокращались в течение последних десятилетий, благородная и разумная цель полного ядерного разоружения, которая легла в основу договора о нераспространении ядерного оружия, так и не была достигнута. Находящимся за занавесом неведения стоило бы настаивать на стремлении к этой цели.

Еще один недопустимый риск — геноцид. За историю человечества это преступление совершалось не раз, священная обязанность защиты людей часто забывалась в пользу других узких интересов. Но за занавесом неведения невозможно допустить повторения подобного. Одной из мер может стать усиление полномочий Международного уголовного суда с обязательным условием, что несогласие государств ратифицировать соответствующий статут повлечет за собой лишение привилегий: таких, например, как членство в Генеральной Ассамблее ООН. Другая смежная проблема, которая требует неотложного решения, — недостаток миротворческих сил ООН. Эта проблема вытекает из существующего принципа формирования миротворческих сил. Логично, что военные не должны рисковать своими жизнями, если речь не идет об их национальном интересе. При этом государственная воинская повинность — не единственная воз-

возможность защитить граждан от геноцида. Нередко люди брали в руки оружие, чтобы встать на защиту своих убеждений, пусть и в других странах. Самым ярким примером могут служить интернациональные бригады в Испании, но практика возникновения бригад добровольцев из других стран намного старше событий Гражданской войны в Испании. Поэтому стоило бы разработать за занавесом неведения механизм вступления в бригады волонтеров, который обеспечивал бы разумный баланс представления разных стран с тем, чтобы доминирование представителей какой-то одной страны в определенном конфликте было невозможным, а также чтобы в бригадах обеспечивалась дисциплина во время выполнения миссии, так как, к сожалению, истории известны примеры преследования миротворцами людей, которых они были призваны защищать. Но какие бы ни были сопутствующие выполнению миссии риски, все они бледнеют рядом с перспективой невмешательства сильных держав в ситуации очевидного геноцида.

Еще один фундаментальный вопрос, который неминуемо должен быть поднят за занавесом неведения — вопрос экономического перераспределения. Нужно ли установить правила распределения благ или позволить этому процессу регулироваться произвольно в ходе жизни и возникновения той или иной политической ситуа-

ции? Я подозреваю, что, несмотря на утешительную динамику уменьшения неравенства в глобальном масштабе в последние десятилетия, вопрос этот остается в повестке дня. Безусловно, существуют инструменты борьбы с неравномерным распределением благ, такие как программы поддержки и развития, временные разрешения на работу с видом на жительство гражданам из бедных стран в более развитых экономиках, материальная помощь. Но, принимая во внимание неоднозначность эффективности значительной части этих инструментов, имело бы смысл разработать наряду с этим методы оценки неравенства и применения инструментов регулирования*.

Предложенные мысленные эксперименты, разумеется, не задумывались как путь к прямым выводам или результатам. Моей целью было показать, что существуют вопросы, которые необходимо решать. Оба эксперимента выявляют

* Для начала необходимо сделать обзор глобального дисбаланса более системным и институализированным. См.: Джессика Коэн и Вильям Истерли «Что помогает развитию: мыслить широко и мыслить о малом» (Jessica Cohen and William Easterly, *What Works in Development: Thinking Big and Thinking Small* (Brookings, 2009)). Интересную систему мер, хоть и неутешительные выводы предлагает Бьорн Ломборг в своей книге «Глобальный кризис, глобальные решения» (Bjorn Lomborg, *Global Crises, Global Solutions* (Cambridge University Press, 2004).

характерные особенности: оба указывают на аналогичные позитивные опыты и на проблемы, требующие скорейшего решения.

Важна ли справедливость?

Скептики наверняка будут настаивать на том, что оба мысленных эксперимента (концепция глобальной гражданственности, в частности) говорят о важности справедливости, но в реальности всем правит сила. И в доказательство своей позиции сошлутся на современные исследования, в которых часто утверждается, что в основе силы всегда лежит страх, а любовь и уважение не могут служить ему достойной заменой. Действительно, многие страны продолжают свою игру с позиции силы, несмотря на то что в их риторике могут фигурировать высокие цели. Вообще сверхдержавы озабочены только своим процветанием, и их ничуть не смущают и не останавливают попытки сдерживания со стороны международного права*. Скептики предостерегают от иллюзии, что возникающие новые супердержавы послужат сдерживающим фактором для США как существующей супердержавы. Действительно, было бы наивно полагать,

* См. книгу Роберта Кагана «Опасная нация» (Robert Kagan. *Dangerous Nation*. — New York: Alfred A. Knopf, 2006).

что общественное мнение может служить «равновесной сверхсилой» и играть решающую роль. Но подобные опасения также напоминают попытки лилипутов связать спящего Гулливера. Человек, придерживающийся подобных наивных взглядов, однажды услышит, что благие намерения в лучшем случае отвлекают внимание, а в худшем — ведут к несчастью в силу своего безрассудства*. Скептики привыкли сбрасывать со счетов достижения межгосударственных нормативных актов, таких как запрещение работорговли или учреждение Международного криминального суда во всех странах.

* Примеры равнодушного отношения к международным движениям можно найти в двух статьях Вальтера Рассела Мида «Смерть глобального потепления» и «Ледяной и горячий взрыв» в альманахе «Интересы Америки онлайн» (Walter Russell Mead «The Death of Global Warming», American Interest Online, February 1, 2010 (<http://blogs.the-american-interest.com/wrm/2010/02/01/the-death-of-global-warming>) and «Blowing Hot and Cold» American Interest Online, October 17, 2009 <http://blogs.the-american-interest.com/wrm/2009/10/17/blowing-hot-and-cold>).

Однако есть и те, кто принимает во внимание важность межнациональных движений. Национальный совет по разведке США допускает такое развитие событий, при котором некоммерческие организации должны вырасти настолько, что ООН придется выделить для них двадцать мест в ассамблее с общим правом голоса, таким же как и у стран-наций. См. бюллетень «Глобальные тренды 2025» Национального совета по разведке (National Intelligence Council, Global Trends 2025 (U.S. Government Printing Office, 2008), с. 91.

Подобные взгляды можно встретить не только в кругах, близких к власти, но и на периферии международной системы. Соглашаясь с этим, мы как бы заодно снимаем любую ответственность с тех, кто не наделен возможностями и властью для решения глобальных проблем, и не ждем от них никакой посильной помощи.

Я же буду настаивать на важности справедливости и на том, что важность эта день ото дня будет возрастать. Страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) и «Группа одиннадцати» (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Южная Корея, Турция и Вьетнам) — это страны с высокой вероятностью опережения стран «Большой семерки» (Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Великобритания и США), пусть и не в самом ближайшем будущем. Несмотря на заложенный в прогнозе долгий срок, трудно настаивать на реальности самого прогноза, хотя очевидно, что на сегодняшний день неравенство в распределении сил уже не так вопиюще и в будущем должно стать еще меньше. В то же самое время уровень взаимозависимости государств сегодня и сама природа надвигающихся на нас глобальных проблем указывают на необходимость общих действий в преодолении возникающих проблем. Изменения климата — показательный пример.

Человечество справится с этой проблемой и выживет, только направив на ее решение совместные усилия. Сегодня должно быть ясно, что силовая дипломатия не обеспечит добровольного содействия жителей Земли в решении глобальных вопросов. Представьте себе обычного техника, работающего на атомной электростанции в Фукусиме, или африканского министра здравоохранения, или представителя китайского среднего класса, или выпускника университета. Хотим ли мы, чтобы все эти люди думали, что миром правят сила и закон джунглей, или же мы хотим, чтобы они задумывались об ответственности перед теми, кому не случилось быть их согражданами. Выбросив понятие справедливости из головы, мы все будем бессильны перед множеством проблем, возникающих в результате неминуемой и всевозрастающей глобальной взаимозависимости стран и событий. Организация мирового порядка не просто движется в сторону большей демократии. Быстрое распространение вещания без границ дает нам возможность быть в курсе событий и бедствий, происходящих в любой точке мира. Мы еще не превратились в глобальную деревню, но мы в сотни раз осведомленнее обо всех событиях на планете, чем еще век назад и даже десятилетие назад. Так общественное мнение приобретает все больший вес и ста-

новится все более многообразным, чем взгляды людей, определяющих политику. Например, в недавнем исследовании, проведенном организацией «Мировое общественное мнение», опрашиваемым был дан выбор между двумя утверждениями: «наше государство должно соблюдать международное право; нарушать нормы международного права так же незаконно, как и нарушать внутренние законы страны» и «если правительство считает, что это не входит в интересы нашего государства, мы не обязаны следовать никаким нормам международного права». По результатам опроса, 57% выступили за соблюдение международного права и 35% — за соблюдение государственных интересов*. Представители стран, зарекомендовавших себя как унитаралистские (например, Китай, Индия или США), поддерживали глобальный тренд. Внутри групп проценты распределились следующим образом: 74% среди китайских респондентов, 49 — среди индийских и 69% в США поддерживали следование нормам международного права, соответственно 18, 42 и 29% респондентов были за следование государственным интересам. То же ис-

* Мировое общественное мнение по вопросам международного суда и права, ноябрь 2009 (www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/nov09/WPO_IntlLaw_Nov09_quaire.pdf).

следование показывает, что людям свойственно недооценивать их среду, им кажется, что они одиноки в своих взглядах, и они даже не предполагают, какое количество соотечественников думает так же. 48% респондентов добавляли, что они в отличие от обычных граждан поддерживают соблюдение норм международного права; 28% сказали, что поддерживают, но не всегда. Налицо «оптическая иллюзия», которая, возможно, объясняется господствующим циничным дискурсом. У циничных политиков на этот случай всегда есть характерный ответ: «Американцы не хотят грубой силы в сыром виде, они предпочтут эту же силу, приготовленную с лучшим соусом»*. Похожее исследование показало, что 55% людей из 24 стран хотели бы, чтобы их правительства были более готовы к сотрудничеству для решения общих глобальных вопросов, в отличие от 39%, которым кажется, что их правительства слишком идут навстречу другим государствам и оказываются в невыгодном положении**.

* Лесли Гелб в книге «Власть устанавливает правила» (Leslie Gelb. Power Rules. — New York: HarperCollins, 2009. — P. 72) делает попытку вернуть репутацию американской внешней политике и поразительным образом игнорирует реальность факта глобальных климатических изменений.

** Мировое общественное мнение по вопросам международного сотрудничества, декабрь 2009 (www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/dec09/WPO_Cooperation_Dec09_quaire.pdf).

Исходя из того, что неравенство в распределении мировых сил будет уменьшаться, а потребность в глобальных альянсах, основанных на предпочтениях и сознательном выборе общества, будет только возрастать, понимание идеи справедливости станет центральным на глобальном уровне. Так глобальная гражданственность должна превратиться из элемента хорошего тона в основополагающий просвещенный интерес.

Важность дискуссий

Идеальное место для обсуждения концепции глобальной гражданственности — университетские кампусы. В обсуждении глобальных проблем — от климатических изменений до распространения ядерного оружия — неминуемо возникает «конфликт поколений»: двадцатилетним эти темы ближе, чем шестидесятилетним. Предыдущие поколения помнят время, когда отдельные государства правили безраздельно. Перед двадцатилетними лежит будущее, в котором уровень взаимной зависимости от живущих в других странах в разы выше. Университеты, таким образом, представляют собой уникальные площадки, на которых молодые люди могут обсуждать глобальные проблемы и связи, которые серьезней, чем могут показаться на первый взгляд. К тому же мы

являемся свидетелями появления глобального среднего класса, университетские поколения становятся выразителями огромного количества точек зрения, которые существуют на нашей планете*.

Гуманитарное образование призвано дать студентам набор аналитических инструментов и информацию, которые позволят им лучше распоряжаться в том числе и своей собственной жизнью. В одном из своих обращений к выпускникам университетов Билл Гейтс выразил разочарование своим гарвардским образованием, задавшись вопросом, почему в его время ему никто не объяснил масштабов бедности на нашей планете**. Мы не хотим, чтобы грядущие поколения могли пожаловаться на то, что даже самое

* Последнее исследование института Брукингса предсказывает рост глобального среднего класса с 1,8 миллиарда в 2010 году до 5 миллиардов в 2003-м. См. работу Оми Хараса и Джеффри Герца «Новый глобальный средний класс» (Homi Kharas and Geoffrey Gertz. *The New Global Middle Class: A Cross-Over from West to East*), март 2010 (www.brookings.edu/~media/Files/rc/papers/2010/03_china_middle_class_kharas/03_china_middle_class_kharas.pdf).

** <http://www.gatesfoundation.org/speeches-commentary/Pages/bill-gates-2007-harvard-commencement.aspx>. Более подробно см.: Марта Нуссбаум «Не для прибыли» (Martha Nussbaum's *Not For Profit*. Princeton University Press, 2010).

лучшее образование не подготовило их в полной мере к жизни на Земле в независимом мире. Естественно, в праве каждого решить, что на нем не лежит ответственность за тех, кто живет в других странах, но и это должно быть собственное взвешенное решение, а не безоговорочный выбор по умолчанию.

Было бы грубой ошибкой претендовать на создание глобального социального договора или надеяться на нахождение легких ответов на вопросы, которые ставит перед нами глобальная гражданственность. Уже были попытки определить количество людей, с которыми один человек может установить доверительные отношения в течение своей жизни. Это количество колеблется от 150 до 200. Какое бы мы ни взяли число в этом интервале, оно будет несравнимо меньше, чем общее количество людей, с которыми нам придется взаимодействовать в ежедневной жизни.

Тем не менее, понимая, насколько взаимозависимыми становятся жизни всех людей на планете, мы не можем не сделать усилия, которое было бы направлено на исполнение наших обязанностей перед другими живыми существами на этой планете и на защиту наших же прав как членов мирового сообщества. Под ответственностью и правами мы понимаем основные вопросы концепции глобальной гражданственности. Если

университеты в XXI веке не предоставят своим студентам площадки и возможности для обсуждения глобальных проблем и своих прав и обязанностей перед другими людьми, живущими на планете, можем ли мы считать, что университеты полностью выполняют свою миссию? Возможно, это выразится в том, что человечество никогда не достигнет вневременного консенсуса, уже не говоря о том, что сам процесс обсуждения глобальных проблем является полезным, просветительским и открывающим новые горизонты.

Как строить глобальную гражданственность

В беседах Хакана Алтиная с известными учеными и лидерами общественного мнения представлены их взгляды на проект формирования и перспективы глобальной гражданственности как института, способного генерировать и реализовывать идеи, адекватные глобальным вызовам. В чем главные особенности и проблемы этого нового, также глобального актора регулирования мировых процессов? Что такое глобальный социальный контракт? Каковы мера и формы ответственности граждан, национальных и международных институтов в формулировании и реализации проектов переустройства мирового пространства на справедливых и нравственных основаниях? Ответы на эти и многие другие трудные вопросы звучат в этих беседах Х. Алтиная.

Балвир Арора, профессор политологии,
бывший ректор Университета имени
Джавахарлала Неру в Дели

Хакан Алтинай: Считаете ли вы, что настало время говорить о глобальной гражданственности?

Балвир Арора: Я совершенно уверен, что вопрос, который вы поставили перед всеми нами, чрезвычайно важен и своевременен. Мне кажется, концепция глобальной гражданственности важна еще и тем, что основывается на идее разделения ответственности, глобальной солидарности и уважении прав человека и человеческого достоинства.

Перед нами стоит задача изобрести новые формы глобального управления. Гражданское общество рано или поздно начнет играть решающую роль в вопросах глобального управления. Речь не только об организации глобального правительства. Мы должны понимать, что решение глобальных проблем требует, чтобы мы все разделяли одни и те же ценности. Мы должны научиться воспринимать друг друга всерьез.

Сегодня возможно то, что еще пятьдесят и даже двадцать лет назад не было возможным. Изменился сам контекст глобального управления, как и контекст глобального вовлечения. Очевидно, что сегодня наши возможности превышают возможности людей прошлого в разы.

Главным актором в этом процессе я считаю гражданское общество. Граждане, способные организовать для решения каких-то вопросов, выстраивают пространство гражданского сознания и солидарности. Роль организаций гражданского общества в решении глобальных вопросов будет только возрастать. Например, неправительственные организации уже сыграли решающую роль в разработке программы ООН «Цели развития тысячелетия», благодаря их содействию в программу были включены такие сферы, как борьба с бедностью, обеспечение всеобщего начального образования, равенство мужчин и женщин.

Университеты вовлечены в этот процесс, поскольку являются местом возникновения и распространения знаний. Из университетов молодые люди должны выходить вооруженными навыками и пониманием, как решать глобальные задачи, которые стоят сегодня перед человечеством. Здесь молодые люди обретают ценностный багаж, с которым идут дальше в жизнь. Было бы неразумно недооценивать роль университетов.

Х.А.: Как вам кажется, концепция глобальной гражданственности могла бы быть принята в Университете имени Джавахарлала Неру и в других университетах Индии?

Б.А.: Я убежден, что вопросы глобальной гражданственности должны быть включены в университетскую программу наряду с вопросами прав человека, человеческого достоинства, культурных различий и прочих аспектов жизни человека в современном мире. Все это необходимо преподавать как часть предмета «Жизнь в глобальном и взаимозависимом мире». К сожалению, как глобальная гражданственность, так и справедливость — все еще цели, к которым мы стремимся, а не реальность.

Перспектива войти на постоянной основе в состав Совета Безопасности ООН дает Индии дополнительный импульс в оценке важности институтов ООН.

Х.А.: Что, по-вашему, должно войти в университетскую дисциплину глобальной гражданственности?

Б.А.: В нее должны войти основные тексты о глобальном единстве человечества, о важности человеческого достоинства, толерантности, о глобальной взаимозависимости. В индуизме есть кредо *васудхаива кутумбакан*, что означает «весь мир — одна семья». Ганди тоже говорил об этом, а также о ценности равенства и справедливости. Единство человечества, общий путь и общие ценности лежат в основе размышлений многих рели-

гий и философских учений. Глобальной гражданственности нужно опираться на местные традиции и учения, чтобы донести свою мысль до многих людей. Концепция университетской дисциплины предполагает привлечение литературы к обсуждению вопросов глобальной гражданственности. Мне кажется, это очень хорошая идея. В текстах Толстого и Достоевского мы найдем много отправных точек для дискуссии, как и у других авторов.

Джонатан Фантон, бывший президент
фонда Джона Д. и Катрин Т. Макартуров
в Чикаго и Новой школы социальных
исследований в Нью-Йорке

Хакан Алтинай: Что, по-вашему, есть глобальная гражданственность — необходимость, излишество или, может быть, отвлекающий фактор?

Джонатан Фантон: Я полагаю, что для глобального сообщества, которое хочет стать более справедливым, мирным и человечным — это насущная необходимость. Мне кажется, вы проделали большую работу для продвижения этого проекта.

Х.А.: Стало быть, вы верите в то, что в условиях всевозрастающей глобальной взаимозависимости нам нужна глобальная гражданственность?

Д.Ф.: Сама история развивается таким образом, что все мы невольно становимся взаимозависимы. Перед вами стоит большая задача — ввести глобальную гражданственность в современный мир так, чтобы при этом не размывались границы и не терялась идентичность, и, я уверен, это достижимая задача, тем более что технологически каждая точка мира уже связана с другой своей точкой. Вы говорите об изменении климата и ядерном разоружении, вы правы в том, что

без решения этих вопросов само существование будущего человека ставится под угрозу.

Х.А.: Как, по-вашему, мы можем начать разговор о глобальной гражданственности? Некоторые приводят аргумент, что сила существует только в грубой форме, и нам не следует придавать излишне большого значения легитимности и глобальному общественному мнению.

Д.Ф.: Мне нравится, что, ставя эти вопросы, вы смело идете к смене парадигмы. В некотором смысле постановка вопросов о мягкой и жесткой силе — это уже устаревающая парадигма, а контуры новой еще не сформировались отчетливо. И мне кажется, вы представляете авангард мысли, который должен сформировать новый тип мышления и научить человечество мыслить широко.

Х.А.: Какую роль, по-вашему, могут играть университеты во всем этом?

Д.Ф.: Я уверен, что университеты — это обязательное звено, поскольку они являются площадками для дискуссии. Я знаком с американским образовательным проектом «Перикл», который работает с гуманитарными и юридическими институтами и разрабатывает для них разные гражданские курсы. Начинали они довольно скромно, но скоро превратились в целое движение в США. Для про-

движения концепции глобальной гражданственности подошла бы подобная стратегия.

Х.А.: Каково ваше мнение о высшем образовании в США и в мире?

Д.Ф.: Я вижу в американском высшем образовании ряд проблем. Во-первых, это высокая стоимость образования. Такая ситуация поддерживается последнее время благодаря платному обучению для студентов из других стран. Но мир не стоит на месте и появляется все больше университетов, дающих достойное высшее образование и способных составить конкуренцию американским университетам. Во-вторых, подрастает поколение, способное находить всю необходимую информацию в Интернете. Как и бумажные средства массовой информации, университеты не спешат реагировать на вызовы сегодняшнего дня и, мне кажется, не в полной мере оценивают риски, которые несет с собой технологическая революция. К тому же я вижу возможность и политическую волю к реформированию и модернизации высшего образования в таких странах, как, например, Россия и Нигерия. И я думаю, что темы, которых вы касаетесь в своем проекте, найдут там большой отклик.

Х.А.: Что вы думаете о фондах? Будет ли для них место в завтрашнем мире?

Д.Ф.: Сначала я хотел бы привести пример, а потом сделать из него вывод. Фонд Макартуров заинтересовался процессом подготовки профессионалов в области развития. Фонд создал комиссию, которую возглавил Джеффри Сакс. Международная комиссия по образованию для устойчивого развития провела исследования в разных странах и пришла к выводу, что при подготовке специалистов в области развития необходимо уделять больше времени точным наукам, проектированию, управлению и наукам, связанным со здравоохранением. Напомню, что ранее главная роль отводилась политологии и экономике. Комиссия также поставила под сомнение необходимость в непосредственной производственной практике. Основной курс должен быть доступен онлайн для студентов во всем мире. Макартур запустил дюжину демонстрационных проектов. Многие институты последовали его примеру и приняли предложенные изменения. Вот вам пример того, как фонд может воплотить хорошую идею в жизнь.

Фонды, безусловно, необходимы там, где время воплощения идеи пришло. Фонды должны идти на шаг впереди и загодя чувствовать, что будет востребовано. Фонды должны использовать все свои возможности и ресурсы, чтобы первыми овладевать информацией и разработать методоло-

гии действия. И самое главное — ответы на возникающие проблемы должны быть готовы вовремя. Работа фондов также необходима на демонстрационной стадии. Они действительно могут подготовить профессионалов и способствовать тектоническим изменениям в обществе.

Х.А.: Если бы вам предложили разработать образовательный план для концепции глобальной гражданственности, без чего, как вы считаете, нельзя было бы обойтись?

Д.Ф.: В своих рассуждениях вы ссылаетесь на исследования Джона Ролза, его я бы обязательно включил. Я считаю, что необходим базовый курс философии, в который входили бы не только западные авторы и концепции. Я бы хотел видеть раздел, охватывающий практические проблемы — изменение климата, права человека, глобальное здравоохранение и прочие области. Мне кажется, необходима площадка, на которой студенты из разных стран смогут обсуждать похожие проблемы. Несколько курсов должны быть прочитаны глобально онлайн, но должны при этом оставаться возможности обсуждать проблемы лично, во время стажировок и видеоконференций.

*Дэвид Хелд, профессор политологии
и член совета директоров
международного правления
Лондонской школы экономики*

Хакан Алтинай: Как вы считаете, не пора ли начать разговаривать о правах и общей ответственности всех людей, живущих на нашей планете?

Дэвид Хелд: Совершенно согласен. Мы живем в мире под давлением разных сил и меняющихся процессов. Первая проблема состоит в том, что Запад расписал правила глобального взаимодействия на 300 лет вперед, но сам не в состоянии им следовать. С ростом и развитием Азии мир меняется и движется в сторону многополярности. И именно в этот момент, когда смещается центр мировой силы, становится понятно, что система учреждений ООН, основанная в 1945 году, больше не отвечает своим целям. Эта система была разработана совершенно в другое время, в других условиях и в другой системе распределения власти. Параллельно с этим растут глобальные угрозы совсем нового порядка — изменение климата, перестройка баланса мировых финансовых сил и рынка, распространение ядерного оружия и т.д. Причем все эти тектонические изменения происходят одновременно с ослаблением основных

мировых институтов. Этот момент имеет большой потенциал одновременно и рисков и возможностей. Дело в том, что на вызовы сегодняшнего дня у людей заготовлены стандартные ответы. Одним таким ответом была надежда на рынок, который «знает лучше» и «в состоянии генерировать решения на коллективные запросы». Полагаясь на рынки, люди обнаружили себя в глубоком кризисе. Я же, наблюдая за рынками последние тридцать лет, готов обстоятельно доказывать, что полагаться на них нельзя. Рынки создают факторы внешней среды и сами нуждаются в контроле и управлении. Конкуренция требует кооперации, если мы хотим достигнуть общественного блага. Другим стандартным ответом было создание многосторонних структур. Например, Базельский комитет, который призван решать проблемы международной финансовой системы. Несмотря на то что клуб управляется небольшой группой западных банкиров, его политика способна генерировать проблемы управления по всему миру. Модель работы комитета воздействует на каждого из нас, но надо понимать, что эта модель разрабатывалась с учетом интересов очень узкой группы людей, а результатом этого воздействия стал как раз мировой финансовый кризис.

Я не считаю, что глобальные задачи должны ставиться перед рынками или перед подобными

клубами. Мне кажется, что ситуация превратилась в критическую из-за общего мирового уровня недемократии. Какие есть альтернативы у демократии? Одна — возврат к геополитической борьбе. Но сегодня мы видим, как растут Индия и Китай, как увеличивается гонка за ресурсами и что это может привести к взрыву на геополитической арене. Очевидно, что геополитическая стратегия не является решением наших глобальных проблем. Все это наводит меня на мысль, что «реализм», как мы его знали, больше не существует. Новый реализм — это космополитизм. В этом смысле, безусловно, пора начинать говорить о ценностях и разрабатывать новый социальный договор.

Х.А.: С чего бы вы начали процесс изобретения «другого мира»?

Д.Х.: В XIX веке царила концепция «Мира по-британски», в XX — «Мира по-американски», в XXI веке такой концепции не существует в принципе. Старые мировые державы больше не могут диктовать правила, а растущие державы не готовы брать на себя такую ответственность. Это и дает поле для диалога, который необходим всем. Разумеется, такие страны, как Китай, Индия и Россия, придут к столу переговоров со своими видениями и ресурсами. Ни одна из перечислен-

ных стран не является сторонницей космополитного мира, но по крайней мере в Китае университеты поднимают эту тему в обсуждениях.

Разумеется, мы не начинаем с чистого листа. XX век оставил нам в наследство много средств для достижения справедливого миропорядка. За прошедшие сто лет сформировались очень важные законы войны и прав человека, которые определенным образом ограничивают власть. Европа разработала модель объединения независимых стран. Появилось глобальное гражданское общество, а оно, в свою очередь, на наших глазах стимулирует рост глобальной гражданственности. Растет глобальное общественное мнение.

Х.А.: Что вы думаете о Европейском союзе и его роли?

Д.Х.: Для Европы окончание холодной войны стало одновременно и победой и поражением. Коммунизм был уничтожен как угроза, но, оставаясь угрозой, он был для Европы сплачивающей и объединяющей силой. Недавно Европа снова увидела возрождение привычных старомодных проявлений ревности и зависти, но сейчас перед ней стоят очень трудные задачи. Европа очень страдает от меняющегося баланса мировых экономических сил. Америка сохраняет позиции, но растет Азия, и Европа пережи-

вает упадок. Будущее евро как валюты под большим вопросом.

Безусловно, у Европы есть ресурсы. Она стала полем для самого интересного эксперимента в управлении за последние 50 лет и продемонстрировала, что противодействовавшие силы способны объединить независимые государства для создания кантианской мирной зоны. При этом считаю ли я, что Европа должна оказаться за глобальным столом переговоров? — совершенно точно, да. Кажется ли мне, что она на это способна? — к сожалению, нет.

Х.А.: А что по другую сторону Атлантики?

Д.Х.: Я только что вернулся из Вашингтона и до сих пор под впечатлением, насколько замкнуты на себе и озабочены собой Соединенные Штаты. Их взгляд на мир очень узкий. Даже левые больше обеспокоены тем, чтобы продвигать американские интересы, чем думать о более широкой повестке дня.

Х.А.: Считаете ли вы, что университеты должны стать площадкой, на которой мы могли бы обсуждать наши взаимные права и обязанности?

Д.Х.: Я совершенно убежден в важности этого для образования молодых людей. Но нам не

нужно ждать, когда они поступят в университеты, эти темы должны подниматься уже в начальной школе. В моем детстве, я помню, мы раскрашивали карту мира разными цветами. Но теперь по фотографиям со спутника мы знаем, что из космоса наша планета — это сине-зеленый шар. Я уверен, мы можем уже сегодня говорить с детьми о серьезных проблемах жизни. Дети способны интуитивно различать добро и зло, и они исключительно искренни. Поскольку сейчас не существует адекватных институтов, которые могли бы ответить на вызовы времени, новое поколение должно расти с иным, более глубоким пониманием ситуации. Безусловно, глобальная гражданственность должна быть частью любой университетской программы, но я бы пошел дальше и настаивал на том, что вопросы, поднимаемые этой концепцией должны обсуждаться во всем мире начиная с пятилетнего возраста.

**Андрей Кортунов, президент
фонда «Новая Евразия», Москва**

Хакан Алтинай: Я убежден в том, что наша с каждым днем возрастающая взаимозависимость требует обсуждения вопросов взаимной ответственности как по отношению друг к другу, так и ко всему остальному миру, я это называю глобальной гражданской ответственностью. Что вы думаете об этом? Так ли это важно или можно продолжать действовать столь безответственно, как и до сегодняшнего дня?

Андрей Кортунов: Конечно, мы могли бы пригнаться, что сложившаяся система мировой политики безупречна и нам ничего не надо менять. Но дело в том, что если не удастся ничего изменить, то сегодняшний кризис усилится. Это коснется уже не только финансов, но и безопасности в общепринятом смысле. Если оценить развитие международных отношений в последние два-три десятилетия, то становится ясно, что все это время мы накапливаем проблемы без малейшего представления об их окончательном разрешении. Африка, Ближний Восток, Балканы, Кавказ — примеров может быть очень много.

Х.А.: Одной из наиболее драматических и впечатляющих проблем мне лично кажутся климатические изменения. Это один из тех вопросов, который требует немедленного и абсолютно общего внимания.

А.К.: Я совершенно согласен, что проблема такого масштаба не может рассматриваться в рамках стандартных процедур международных отношений. Сможем ли мы избежать наиболее драматических последствий этого, без сомнения, глобального феномена, напрямую зависит от того, как каждое отдельное государство и все мы вместе поступим. Ни одна из государственноцентричных стратегий здесь не поможет, потому что любое решение будет лежать в области интересов одного конкретного государства. Будущее международных отношений должно быть оформлено в рамках международного законодательства, учитывающего интересы всех субъектов, представленных в мировом сообществе.

Х.А.: Разделяют ли ваши взгляды в России?

А.К.: Двадцать пять лет назад Россия была одержима идеалистическим видением мировой политики. Горбачев воплотил в жизнь нормативный подход к мировой политике. Общая мысль была в том, что на смену коммунизму должна прийти новая нормативная конструкция, которая объединит все человечество в мирном пространстве. Но реальность, особенно с учетом американской внешней политики, оказалась сложнее, и взглядов нашей страны никто не разделил. В результате эта концепция была совершенно дискредитирована в

глазах как обычных людей, так и политической элиты. Последняя закрыла тему выводом: «Мы сделали попытку объединить людей на почве общих ценностей, мир попытку не принял. Теперь мы станем преследовать исключительно свои интересы».

Х.А.: Означает ли это, что идея нормативного подхода не работает?

А.К.: Нет, не означает, только если мы сами не опустим руки и не признаем ее безнадежность. Сейчас в России происходят тектонические изменения в отношении того, как люди видят себя внутри большого мира. Все больше людей выезжают за пределы страны, учатся и работают в других странах. Границы становятся все более проницаемыми. Интернет доступен все большему количеству людей. Россия может показаться таким айсбергом, верхушка которого открыта всем ветрам международных конфликтов и жестким столкновениям интересов, основная же часть его скрыта под водой и остается неподвижной. Так вот, надо понимать, что благодаря Интернету и глобализации именно эта часть айсберга медленно, но верно тает. Центр тяжести изменяется, и вся эта масса может однажды опрокинуться.

Конечно, мы столкнемся с тем, что не можем защитить свои интересы, если мы исключим из

нашего размышления и действия ценности. Нам необходима реабилитация идеи ценностей, для этого нам нужна как раз такая концепция, как глобальная гражданственность.

Х.А.: Какую роль во всем этом вы отводите университетам?

А.К: Я как-то слышал такую мрачную гиперболу: пытаться изменить университеты — это как переместить кладбище с одного места на другое. Работа дорогостоящая, грязная, и нет никакой помощи изнутри. Несмотря на это я вижу, что в России разделяют понимание того, что общество и высшее образование несут в себе определенную социальную ответственность. То есть университеты должны выпускать не просто дипломированных специалистов, но и ответственных граждан.

Х.А.: Представим, что составители университетских учебных программ обратились к вам с просьбой о совете, что бы вы им порекомендовали включить в обязательный учебный план?

А.К: Прежде всего я бы порекомендовал глубоко изучить историческую составляющую глобальной ответственности и глобальной гражданственности. Что лежит за этими концепциями? Западная либеральная мысль только озвучила идею, но сама идея существовала задолго до этого,

и ее можно проследить во многих традициях и географических точках. Необходимо осознавать, что не мы придумали эту идею, что мы не пишем ее с чистого листа. Мы можем и должны опереться на многочисленные и разнообразные традиции и источники. Мне кажется полезным представлять себе современную дискуссию об основных тенденциях в области национальных интересов и краткосрочного развития. Затем нам необходимо применить идею глобальной гражданственности при решении нескольких специфических задач. Полезным бы оказался список фондов, в которых студенты могли бы стажироваться. Студенты должны видеть, что задачи глобальной гражданственности — не измышления теоретических экцентриков, но общие насущные задачи.

Мне же особенно понравилось ваше обращение к семимиллионному рожденному человеку. Именно такие неожиданные задачи дают импульс к нестандартному мышлению.

Х.А.: Важна ли справедливость?

А.К.: Я вообще верю, что люди намного менее циничны, чем принято о них думать. У нас у всех есть здоровый запас идеализма, который нам приходится иногда скрывать. Но делая ставку именно на идеализм, мне кажется, мы сможем достигнуть очень многого.

**Иван Крастев, председатель Центра
либеральных стратегий, София**

Хакан Алтинай: Мы все осознаем нашу невероятную взаимозависимость, но адекватной концепции в этом вопросе не разработано. Как изменить ситуацию?

Иван Крастев: Управление процессами взаимозависимости — действительно ключевой вопрос сегодняшнего дня. Еще какое-то время назад у нас была возможность обратить вспять процесс взаимной зависимости. Например, после Первой мировой войны рост глобализации и взаимной зависимости замедлился на время. Но сегодня совокупность факторов и уровень технологического развития таковы, что повернуть вспять этот процесс невозможно. Поначалу взаимозависимость воспринималась положительно, но потом, с ростом глобализации, стали расти и страхи, как среди простых людей, так и на уровне элит и государств. Тот факт, что теперь не все возможно контролировать, вызывает у людей опасения. В результате возникают конспирологические толкования действительности.

В 1990-х годах коммунистическая система окончательно утратила свою легитимность. Все самое важное теперь обсуждалось не в парламентах, а на круглых столах. «Большая двадцатка»

напоминает мне то время — это как встреча императоров в конце XIX века. Все неформально, основано на личных инициативах, никакого механизма принуждения, и в то же время решения воспринимались как в высшей степени легитимные. Чем глобальнее мы мыслим картину мира, тем неформальнее становится наша способность принимать решения.

Какова во всем этом роль общественности? В результате глобализации достигается обратный эффект: роль общественности становится все более локальной. Тридцать лет назад, во время очередной большой волны миграции, люди, менявшие страну, оказывались полностью отрезанными от родины. Газеты из родных стран приходили с опозданием, если вообще приходили, и иммигранты вынуждены были переключаться на местные СМИ. Сегодня с Интернетом и спутниковым телевидением у новых иммигрантов есть доступ к привычным им медиа и они могут жить в информационном гетто. И это стимулирует массовое беспокойство населения.

Х.А.: Что же с этим делать?

И.К.: Мы все должны признать, что единственный способ справиться с этим состоянием тревоги — это узнать «другого». Нам привычно чувство озабоченности тем, что происходит на-

верху, пример — проблемы реформирования Совета Безопасности ООН. Мне не кажется, что увеличение числа постоянных членов СБ ООН сделает мир более справедливым и объединяющим. Я совершенно согласен с вами в том, что ответ лежит вне институционального поля. Зато нам совершенно необходим искренний диалог о чаяниях «другого». И нам обязательно нужно говорить, как вы предлагаете, о взаимной ответственности.

Х.А.: Где был бы возможен такой диалог? В Интернете? В университетах? В публичных дебатах?

И.К.: Везде! В конце концов, любому гражданскому обществу придется вступать в диалог с посторонними и доверять им. Такой диалог необходим на всех уровнях и на всех языках.

Я верю в диалог и в личную встречу, в то, что именно в разговоре лицом к лицу можно прийти к общему согласию и изменить свое мнение. Настоящий интеллектуальный герой нашего времени — это не тот, кто имеет непоколебимую позицию и не слышит другого, а тот, кто в аргументированном диалоге способен поменять свое мнение, если встречные аргументы убедительны и подтверждены фактами. Бывает так, что ваше мнение может измениться под действием аргу-

ментов собеседника, и не всегда надо рассчитывать на поддержку единомышленников. Диссиденты, которые выражают мнение, отличное от группового, очень важны в этом диалоге. Интернет становится пространством, в котором встречаются и говорят друг с другом только единомышленники. В Интернете не бывает диссидентов.

Я считаю, что проект гражданского образования был успешным, и теперь университетам необходимо включить его в свои планы. В каждой стране тематика и учебный план могут различаться, но все участники процесса должны понимать, что это — часть глобального движения.

Х.А.: Что бы вы лично хотели видеть в учебном плане глобальной гражданственности?

И.К.: Мне кажется, нам надо лучше понимать корни транснациональных нормативных движений, например таких, как борьба с рабством. Большинство тех, кто включился в борьбу, не были рабами в прошлом, их мотивация простиралась за пределы личного интереса и была основана на эмпатии и солидарности. Линн Хант утверждает, что ряд блестящих романов XVIII века заложил основу для самого понятия прав человека. В таких романах обычно аристократ проникается судьбой девушки служанки, и сила

его эмпатии разрушает границы, заложенные иерархий. Идея гуманности рождается в момент, когда мы себя идентифицируем с любым другим человеком на планете. Я неспроста привел именно этот пример, потому что, мне кажется, мы недооцениваем эмоциональную природу этого феномена. Меня всегда интересовали истории людей, которые решили выступить на защиту прав других, и я твердо верю, что эти истории заразительны. Отчасти такое решение принимается под действием примера. Вдохновляющая личная история всегда более впечатляющая и привлекает больше людей, чем целая теория права. Поэтому я надеюсь, что в учебном плане глобальной гражданственности найдется место хорошо рассказанной вдохновляющей истории.

Х.А.: Кажется ли вам, что идея глобальной гражданственности может найти отклик в остальном мире?

И.К.: Я совершенно убежден в этом. Русские утратили свои мировые амбиции после краха коммунизма. Они больше не хотят переделывать мир. В самом же российском обществе сейчас очень много недоверия. События начала 1990-х изменили в их сознании восприятие мирового международного порядка. Россия хочет одновременно быть частью мира и отгородиться от него.

Европа верит, что она и есть модель завтрашнего мира. Хотя именно сейчас у Европы впервые за 300 лет есть шансы оказаться на периферии. Европе придется заплатить за свое экономическое могущество. Сила Европы отчасти в высокой культуре, но интерес к высокой культуре во всем мире падает. Европа весьма светское пространство, но таких регионов мало. Более того, в Европе практически изжито понятие суверенного государства, но мало кто чувствует себя так же комфортно без атрибута суверенности, как Европа. И как прийти к мультикультурализму, не сформировав европейскую модель постсуверенности, — вот головоломка для интеллектуалов.

Что же до новых растущих держав, таких как Индия и Китай, им обязательно нужно утвердиться в своем моральном превосходстве. Им предстоит состязание между собой в степени справедливости, и их стремление к моральному лидерству — очень благотворная движущая сила для всего остального мира.

**Рикардо Лагос, бывший президент
Чили и Мадридского клуба**

Хакан Алтинай: Как вы считаете, нужен ли нам на самом деле разговор о глобальной ответственности?

Рикардо Лагос: Я искренне верю в то, что это является необходимостью сегодняшнего дня. Растущая взаимозависимость неминуемо приводит нас к разговору о взаимной ответственности. Если вы маленькая страна, стремитесь к развитию и успеху и используете мир как ресурс в достижении своей цели, вы должны понимать, что на мировом уровне необходимы какие-то правила. Глобализованный мир невозможен без правил. Хотя надо признать, что грустно оказаться в мире, в котором кто-то становится глобализатором, а прочие должны принять роль глобализируемых. И здесь возникает вопрос, как сформулировать глобальный социальный контракт.

Х.А.: Как нам прийти к этому глобальному социальному контракту?

Р.Л.: Я был искренне поражен разницей общественной реакции в Южной Африке и Испании в сравнении с индийской, которую вы отметили в вашей работе «Справедливость имеет значение?»

(Does Fairness Matter?). Испания и Южная Африка позитивно и оптимистично оценивают идею мирового сообщества, потому что их национальный опыт позволяет им так воспринимать эту идею. В то время как в Индии подход к проблеме окрашен в националистические оттенки, потому что в их опыте лежит память о колонизации. Так национальная память нам дает ключи к ответам на вопрос, как страны будут относиться к глобальной ответственности и участвовать в решении глобальных проблем.

Х.А.: Стало быть, ключ к глобальному социальному контракту — это сами общества?

Р.Л.: Да. Например, в мире все больше организаций, которые создаются людьми с общими взглядами, независимо от того, где эти люди находятся физически. Люди работают поверх государственных границ. Климатические изменения — один из поводов для объединения людей, которые понимают, что глобальная проблема нуждается в глобальном решении.

В нашем мире есть целый ряд проблем, которые не под силу решить отдельно взятой стране. Есть проблемы, для решения которых необходимо объединение определенных стран. Если мы говорим об изменении климата, то понимаем, что без США и Китая эту проблему решить не-

возможно. То есть нам одновременно надо быть и идеалистами и реалистами.

Х.А.: Нелегко метаться между идеальным и вероятным. Вы оказались в неприятном положении в 2003-м в Совете Безопасности ООН во время обсуждения применения силы в Ираке.

Р.Л.: США — один из ключевых торговых партнеров Чили, а в 2003 году мы шли к заключению соглашения о свободной торговле. При этом нам хотелось верить, что в ситуации с Ираком не все дипломатические средства использованы. Поэтому мы не могли согласиться с нашими американскими друзьями. В этом смысле, полагаю, позиция Чили в 2003 году достойна уважения.

Торговля есть торговля. То соглашение касалось торговли, и его нельзя было считать ни стратегическим, ни политическим. Таким странам, как Чили, нужны особенно надежные правила на глобальном уровне. Правила, в свою очередь, не могут существовать без международных организаций, и в мои планы ни в коем случае не входило нарушить работу многосторонних организаций. Так, Чили отправили 30 тысяч солдат через 72 часа после развернувшихся на Гаити событий, когда Совет Безопасности в феврале 2004 года единогласно принял резолюцию, санкционирующую военную миссию в стране для стабилизации положения.

Х.А.: Можем ли мы представить себе такой миропорядок, в котором Чили и другие страны перестают покорно соблюдать уже заданные другими международными организациями правила, а выдвигают глобальные нормы, действуя в качестве таких же глобальных акторов?

Р.Л.: Я надеюсь и верю, что это станет возможным. В такой ситуации становятся важными институты гражданского общества. Правительства оказываются в более стесненном положении, в то время как у организаций гражданского общества остается гораздо больше свободы действий. Гражданские организации и есть основа мягкой силы. Инициатива должна исходить от них.

Х.А.: Когда вы возглавляли Мадридский клуб, вам приходилось бывать в самых разных точках планеты. Как вам кажется, могла бы там быть принята идея глобальной гражданственности?

Р.Л.: У меня есть ощущение, что во всей Латинской Америке, включая Бразилию, которая набирает силу как глобальная держава, идея глобальной гражданственности вызвала бы глубокую симпатию. Возможно, существующие на сегодня мировые державы отнеслись бы к этой идее с настороженностью. Мы должны донести до них, что история показывает, что ни одна сверхсила не вечна. Поэтому они должны быть первы-

ми, кто заботится об установлении общих для всех правил, чтобы, оказавшись однажды на периферии, чувствовать себя куда более комфортно в мире, действующем по правилам. Такое понимание было бы полезно многим странам.

Интересно, что последний кризис привел к тому, что «Большая восьмерка» превратилась в «Большую двадцатку». Экспансия — это косвенное подтверждение меняющейся природы и архитектуры глобального баланса сил и следующая из этого необходимость большей включенности всех игроков большой сцены. Это открывает очень интересные возможности для всех гражданских организаций, которые работают над глобальными проблемами.

Х.А.: Какие еще тенденции мирового процесса кажутся вам интересными?

Р.Л.: Новая перспектива — это технологический прогресс. Другая важнейшая область — трансформация отношений между гражданами и политиками. Традиционно СМИ являлись неотъемлемой частью функционирования демократии, но новые информационные технологии совершенно изменили эту ситуацию.

В моем Фонде демократии и развития есть специальная программа «Пятая власть», в рамках которой действующие политики могут делать

заявления или публиковать статьи, но при этом у них больше нет ни посредника, ни заслона в виде традиционных СМИ. Они должны быть готовы ответить на любой комментарий, полученный онлайн. Конечно, это не возвращение к Афинской агоре, но впервые в современной истории гражданин и политик могут разговаривать лицом к лицу без посредников. Мне кажется чрезвычайно важным создание именно таких форумов по всему миру. Распространение Интернета уменьшает дистанцию между гражданином и политиком и способствует продвижению глобальной гражданственности.

Х.А.: Может быть, нам удастся в ходе дискуссий донести наше обращение к семимиллиардному жителю планеты, но мы также могли бы вообразить, как поступили бы люди на месте спичрайтера следующего Генерального секретаря ООН?

Р.Л.: Идея кажется мне очень интересной и полезной.

Х.А.: Кажется ли вам, что университеты должны сыграть важную роль в распространении идеи глобальной гражданственности?

Р.Л.: Людям всегда был необходим какой-то институт, способный мыслить о человечестве масштабно и в перспективе. В древние времена

роль такого института отводилась священнослужителям, но в последние несколько веков на Западе таким институтом стал университет, и вопросы глобальной гражданственности, очевидно, должны быть в поле зрения университетов.

Х.А.: Как вам кажется, если мы говорим об учебном плане глобальной гражданственности, что стоило бы в него включить?

Р.Л.: Нам нужно научиться думать нестандартно, невзирая на традиции и предрассудки. Это как если бы мы могли поменять местами полюса на карте. Представьте себе совершенно другой взгляд на мир. Таким же нетрадиционным мог бы быть подход к преподаванию истории, допускающий не только европоцентричную или китаеццентричную позиции. Мы должны исследовать мировые проблемы глобально, а не через призму наших национальных интересов. Конечно, проще и комфортнее пользоваться привычными инструментами познания, но жизнь должна заставлять нас быть более любознательными в отношении остального мира, если мы действительно хотим видеть этот мир глобальным гражданским сообществом.

**Томас Погге, профессор философии
и международных отношений Йельского
университета**

Хакан Алтинай: Моя идея состоит в том, что в связи с постоянно возрастающей глобальной зависимостью мы вынуждены мыслить вне привычных рамок традиционного мирового управления и как минимум начать обсуждение взаимной ответственности, которое, я надеюсь, приведет нас всех к пониманию глобальной гражданственности. Пугает ли вас такая постановка вопроса? Возможно, она покажется вам слишком фантастической или надуманной?

Томас Погге: Напротив, меня поражает, насколько эта идея своевременна и верна. На мой взгляд, существует две глубокие структурные проблемы в сегодняшней ситуации, которые просто вынуждают нас к решительным шагам. Обе эти проблемы связаны с нормативной ловушкой. Существует ряд вопросов, решение которых превышает возможности отдельных стран и вынуждает их заключать международные соглашения. Принимая во внимание, что конфигурация мира меняется, во многих областях правила разрабатываются в большой спешке. Позиции, с которыми выступают страны в каких-либо переговорах, определяются наиболее сильными группами элек-

тората. Правительства пытаются поддержать те секторы экономики, которые оказываются в зоне действия упомянутых правил. Так, позиция немецкого правительства напрямую зависит от крупных компаний, которые производят продукцию на экспорт, и от банков, которые участвуют в управлении международными финансами. Принимаемые решения также отражаются на обычных людях, но их возможности повлиять на эти решения существенно ограничены. Очень редко профессиональные союзы или крупные некоммерческие организации участвуют в реальном времени в изучении ситуации и оценке решений. Итак, принимает решения очень ограниченное число крупных игроков. В этом и состоит нормативная ловушка. Пример такой модели — Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) затронуло четыре главные сферы: индустрию развлечения, фармацевтику, программное обеспечение и сельское хозяйство, которые интенсивно лоббировались правительствами стран Европейского союза и США. В результате это крупное дело выиграли несколько тысяч организованных держателей акций, в то время как почти 80% населения потеряли доступ к запатентованным продуктам, например жизненно важным медикаментам. В этом законотворческом процессе заинтересовано в большей или меньшей степени

большое число влиятельных игроков. В обсуждении соглашения четыре упомянутые сферы были заинтересованы больше других в строгом охране прав интеллектуальной собственности. В то время как, например, банкам область прав не должна казаться такой существенной. Для банков важны Базельские нормативы. В каждом конкретном случае игроки преследуют свой интерес, что приводит к принятию непоследовательных и несправедливых норм.

Но все же мне наша ситуация не кажется окончательно безнадежной. Большие корпорации, преследуя свои интересы, оказываются перед «дилеммой заключенного» — игроки не всегда будут сотрудничать друг с другом, даже если это в их интересах. Они максимизируют свою прибыль, не заботясь об остальных, но в любую минуту могут оказаться сами в положении проигравших, и тогда их интересы некому будет защитить.

Возвращаясь к вашему вопросу, достаточно взглянуть на контрпродуктивность существующей системы, чтобы понять, что нам крайне необходимо найти общую моральную основу, на которой будет выстроена новая модель глобального управления. И даже сильные мира сего при здравом рассуждении должны осознать, что это в их интересах тоже.

Х.А.: Как вы посоветовали бы начать такой разговор об общей моральной основе?

Т.П.: Есть понятный путь – форумы, подобные Мировому экономическому, который собирает вместе умных, дальновидных людей. Эти люди уже сделали свои капиталы и теперь могут подумать о том, чтобы сделать что-то для других и оставить разумное наследие. Мне кажется, в форумах, подобных Давосскому, есть смысл, и у них есть будущее.

Вы предлагаете привлекать к диалогу молодых людей, дав им возможность разумного размышления о сложных вопросах. Мне кажется ваше предложение очень важным и ценным. Это как если бы в школе они прочитали пять-шесть хороших романов под чутким руководством преподавателя и в результате стали признательными и вдумчивыми читателями на всю оставшуюся жизнь.

Х.А.: Вы сами поднимали тему общей моральной основы в разных частях мира, как вы можете оценить реакцию ваших слушателей и собеседников?

Т.П.: Чем больше аудитория, тем шире диапазон реакции – от идеалистической до циничной, от скепсиса до любопытства. Например, мало кто осознает глубину проблемы бедности на планете, и эта информация почти всегда вызывает шок у слушающих. Например, есть устоявшееся мне-

ние, что в современном Китае люди озабочены исключительно карьерой и зарабатыванием денег, хотя там до сих пор существует много совершенно идеалистических традиций, таких как абсолютное уважение к учителю. В США после Рейгана интерес к общественной жизни стал падать. С окончанием эры Буша маятник качнулся в другую сторону, но все равно такого интереса к глобальной социальной справедливости, как в 70-е годы, пока трудно найти.

Х.А.: Вы много писали о проблемах справедливости. Почему вы считаете ее столь важной?

Т.П.: Реалисты считают, что действиями государств движет их собственный интерес, а не моральные установки. Я тоже реалист, но немного другого рода. Если мы не осознаем, что нравственная основа необходима для общего блага и не обеспечим должный моральный уклад, то нам недолго осталось быть на этой планете. Мои взгляды реалистичны, но это иной реализм, он касается недостатков тоже. Я совершенно убежден, что справедливость важна, но справедливости нужно на что-то опираться, чтобы уметь защитить себя в споре.

Х.А.: Есть ли какие-то интеллектуальные эксперименты, или литературные труды, или произведе-

дения искусства, которые помогали вам в продвижении ваших идей?

Т.П.: Литература, безусловно, полезна там, где нужно представить себе в красках жизнь в той части планеты, где ты никогда не был. Но такой хорошей литературы немного. Не то чтобы ее не существовало. И в Африке и в Индии есть богатейшая литературная традиция, но существует очень мало переводов на английский, а те книги, что переведены, обычно малоизвестны. Людям на Западе все еще нужно открывать литературу других частей мира. К тому же я считаю необходимым предоставлять людям и статистические данные, чтобы разрушать иллюзию чрезмерно успешной борьбы с бедностью и другими пороками человечества. На Земле до сих пор одна треть смертей происходит по причинам, связанным с бедностью.

Я считаю также необходимым информировать людей об общем положении дел в мире. Так предмет глобальной гражданственности мог бы служить для информирования и формирования представления о жизненно важных проблемах и вопросах у людей во всем мире.

**Дани Родрик, профессор международной
политэкономии Школы управления имени
Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском
университете**

Хакан Алтинай: Я твердо убежден, что взаимозависимость достигла такого уровня, когда необходим диалог о концепции взаимной межгосударственной ответственности. Такой концепцией может быть глобальная гражданственность. Согласитесь ли вы со мной или же вы считаете, что современное положение дел может оставаться таким, как есть? Все ли мы учитываем, разрабатывая понятие глобальной гражданственности?

Дани Родрик: Безусловно, разговор на эту тему был бы очень полезен. Существует этическая и философская литература, которая затрагивает эти вопросы. Мне приходит на ум Питер Сингер. У Амартии Сена по этому вопросу есть важные и интересные высказывания. Иных взглядов придерживается Джон Ролз, который считает важным фактором развития сохранение национальных границ. Я считаю, что пора этой дискуссии покинуть кабинеты специалистов и переместиться в учебные аудитории.

У меня есть курс по глобализации, и значительная часть курса посвящена вопросам, которые вы поднимаете. Таким образом, я сам пытаюсь на

многие из них ответить. Все же мне кажется, что мои взгляды ближе скорее к подходу Ролза, чем к подходу Сингера.

Х.А.: То есть вы думаете, что границы по-прежнему важны?

Д.Р.: Безусловно, границы важны, но еще важнее области, в которых мы должны разделять глобальную ответственность и следовать нормам, например глобальные климатические изменения или права человека, и области менее значимые. Ценность человека, рожденного, к примеру, в Руанде, абсолютно равна ценности человека, рожденного в США, значит, когда наносится вред живущему в Руанде, все мы неминуемо несем за это ответственность. В случае с климатическими изменениями очевидно, что атмосфера относится к единому общественному благу, и если мои действия вредят атмосфере, то на противоположной стороне земного шара этот вред столь же ощутим, как и в миле от меня. Но иногда мы переносим глобальное мышление на сферы жизни, в которых не существует глобальных норм или где границы выполняют в том числе и защитную функцию. Для меня такими областями являются экономическое развитие и международное регулирование торговли и финансов. Я считаю, что в этих сферах границы необходимы для ограничения посторон-

него избыточного влияния и как барьеры для очевидного действия.

Х.А.: Не кажется ли вам, что мы должны задумываться о взаимной ответственности хотя бы для различения ситуаций, когда наши действия могут повлиять на других людей, даже если они не являются нашими согражданами?

Д.Р.: Для меня этот вопрос разделяется на два — каков результат моего воздействия и предел моей ответственности за результат?

Х.А.: Существует ли достаточное количество площадок для обсуждения этих вопросов, например, в Гарварде?

Д.Р.: Несмотря на то что Гарвард всегда в каком-то смысле мог считаться глобальным университетом, надо признать, что еще десять лет назад он был очень изолирован от внешнего мира. Благодаря Ларри Саммерсу, который был президентом университета в 2001—2006 годах, с тех пор здесь многое изменилось. До этого в Гарварде даже не было летних и семестровых программ обучения за рубежом.

Х.А.: Но ведь требуется что-то еще, кроме зарубежного опыта?

Д.Р.: Совершенно точно. По-видимому, опыт других стран необходим студентам именно для

того, чтобы сформировать собственное ощущение глобального сознания. Курсы, которые теперь предлагаются поступающим, могут считаться действительно глобальными. Идея глобализации распространяется настолько, что студенты даже могут вообразить, будто все сферы жизни представляют собой (если не доказано обратное) сферы общественного блага. Возможно, у меня создается такое ощущение потому, что сам я преподаю предметы, не связанные с государственной безопасностью или областями международной политики.

Из Исследования жизненных ценностей (World Values Survey) известно, что многие люди очень привязаны к своим национальным культурам, при этом отмечена тенденция, что чем глубже привязанность к национальной культуре, тем ниже уровень образования и профессионализма. Возможно, что-то есть в карикатурном образе элиты без гражданства, которая воспринимает государственные границы как помеху к высокому уровню жизни.

Х.А.: Есть ли у вас лично какие-то предпочтения в выборе форм диалога на эти темы?

Д.Р.: Мы слишком склонны не прислушиваться к мнению, отличному от нашего собственного, и не готовы ставить себя на место других людей. Если бы мы были в состоянии вступить в подоб-

ный диалог искренне и из лучших побуждений, то, возможно, мы бы обнаружили, что недооценили позицию другого. Это кажется мне очень существенным моментом. Коммуникация и взаимодействие должны принести свои плоды, потому что они ведут нас к большей толерантности и способности слышать другого. Мне кажется, это и должно стать основой для глобальной гражданственности.

В одном канадском городе был проведен любопытный эксперимент. Части жителей был предоставлен доступ к любой глобальной информации, и в конце эксперимента выяснилось, что именно те граждане, которые имели беспрепятственный доступ к внешнему миру, оказались наиболее вовлечены в общественную жизнь своих сообществ. Другими словами, глобальный доступ к информации о внешнем мире и высокий интерес к нему не должны отвлекать внимание от жизни в собственных локальных сообществах.

Х.А.: Как вы считаете, важна ли справедливость?

Д.Р.: Справедливость, безусловно, важна, и путь к ней лежит через взаимность и объективность. Исследования показывают, что люди лучше готовы мириться даже с негативными последствиями, если они видят процесс, который к ним приводит. Легитимность глобальных правил — залог их силы.

Х.А.: Если бы вам предложили разработать учебную программу для такого предмета, как глобальная гражданственность, что вы в нее включили бы?

Д.Р.: Я бы настаивал на объективности изложения фактов, чтобы люди понимали последствия как своих, так и любых действий и их влияния на окружающих людей и среду. Эти вопросы трудно отнести к разряду эмпирических, они должны быть подкреплены фактами. Мы не можем рассчитывать на создание легитимных общих правил, если опираемся на недоказанные факты или неверную их интерпретацию. Например, аналогия Питера Сингера в истории с «тонущим ребенком» неверна, потому что неточна. Это сравнение развитых и развивающихся стран только вводит в заблуждение. Слишком часто аргументы, подобные приводимым Сингером, уводят нас в сторону от того, что действительно можно было бы сделать, чтобы помочь «тонущим детям» и избежать ситуации, в которой дети снова будут «тонуть». При этом закрыть глаза на происходящее — это ловушка, ожидающая нас с другого конца. Цинизм и пассивность часто бывают препятствием для помощи другим.

Необходимо выдержать нужный баланс и, не отказываясь от здравого скепсиса, не впасть в цинизм.

Дингли Шен, профессор международных отношений и исполнительный декан Института международных отношений при Университете Фудана, Шанхай

Хакан Алтинай: Как вы считаете, нужен ли нам разговор о нашей взаимной ответственности и о глобальной гражданственности?

Дингли Шен: Я считаю, что идея глобальной гражданственности очень своевременна и уместна. Мы все живем в большой деревне. От Шанхая до Сан-Франциско каких-то десять часов лету, а с развитием технологий эти десять часов вот-вот превратятся в пару часов. Наша взаимная близость возрастает с каждым часом. Но технологии, которые нас сближают, имеют последствия для окружающей среды. Я допускаю, что мы вообще до конца не понимаем, насколько наши действия могут причинить вред нашей планете. Мы должны очень серьезно подходить к вопросу о реальной и потенциальной угрозе для нашей планеты в результате нашей деятельности. На пути к этому необходимо, чтобы люди, живущие в разных странах, разделяли одни и те же цивилизационные ценности и чтобы были способны к разговору о своей взаимной ответственности. Несмотря на то что у нас разное государственное гражданство, мы продолжаем жить в этой большой дерев-

не и у нас много общего. А еще я верю в то, что люди в большинстве своем добры и ответственны и готовы заботиться о ближнем.

Х.А.: Выходит, назрела необходимость какого-то социального контракта для нашей большой деревни?

Д.Ш.: Именно. Это как управление дорожным движением — всем надо проехать, но если я буду вести машину, думая только о своих интересах, я стану причиной хаоса и замешательства всех вокруг. Узкая рациональность одного человека ведет к коллективной иррациональности. Именно поэтому нам нужны правила глобального регулирования, которые служили бы на благо всех.

Х.А.: Важна ли справедливость в разработке свода этих общих правил?

Д.Ш.: Этика и мораль необходимы нам всем. Они берут начало в идее справедливости. Если ты считаешь систему, в которой живешь, несправедливой, ты способен на разрушение, например на акт терроризма. Поэтому важна справедливость, но не следует гнаться за справедливостью абсолютной, которая просто недостижима, а потому бесполезна. Я бы руководствовался понятием рациональной справедливости в наших действиях.

Х.А.: Существует убеждение, что в установлении этики обоюдности и взаимной ответственности перед всеми людьми на планете важную роль сыграла философия Канта на Западе, учения «убунту» в Африке или «васудева кутумбакам» в Индии. Есть ли в китайском нормативном мироописании схожие принципы?

Д.Ш.: Наша традиционная философия — конфуцианство — опирается на веру в гармонию между человеком и Вселенной. Человек не может завоевать Вселенную и не должен ей вредить. Согласно этому учению люди должны жить в гармонии со своим окружением и всей Вселенной. Коммунизм тоже учит нас уважению человеческого достоинства и справедливости. Мне кажется, у нас есть все нормативные ориентиры и инструменты для создания и описания этики взаимности.

Х.А.: Не думаете ли вы, что университет Фудана или какой-то другой университет в Китае мог бы включить в свою образовательную программу глобальную гражданственность как обязательный предмет?

Д.Ш.: На Западе принято верить в первородный грех, и чтобы исправлять греховную природу человека, нужны и культура и верховенство закона. В Китае мы верим, что каждый человек рож-

ден добрым, и только оказавшись в плохом окружении, человек может сам стать плохим. Поэтому мы так много внимания уделяем воспитанию и позитивному влиянию благоприятного окружения и верим, что это способно вернуть человеку его изначально добрую натуру. Гуманитарное образование в университете считается у нас универсальным способом для воспитания в человеке лучших качеств.

Нашей планете нужно более высокое качество международного сотрудничества. Миссия университетов – нести просвещение своим согражданам. Кроме того, в университетах обучаются те, кто однажды станет лидером, и им необходимо хорошо понимать суть всех глобальных проблем и необходимость международного взаимодействия. В длительной перспективе я позволяю себе быть оптимистом, но в ближайшие 10–20 лет нам предстоит решать серьезные проблемы сбалансированного развития. Это наделяет университет Фудана еще большей ответственностью в продвижении идеи глобальной гражданственности.

Х.А.: Вы считаете, ваши студенты были бы заинтересованы в изучении этой проблематики?

Д.Ш.: Наши студенты, безусловно, заинтересованы в знании глобальных проблем и путей их

разрешения для сегодняшнего Китая и завтрашних поколений. Мы являемся ведущим университетом, который поднимает вопросы нераспространения оружия массового поражения, и наши студенты с большим энтузиазмом изучают эти угрозы и меры противодействия им.

Х.А.: А можно ли сказать, не означает ли участие Китая в решении глобальных проблем только наращивания его мягкой силы?

Д.Ш.: Китай прошел несколько этапов эволюции мягкой силы. В 50-х мы перестали быть аграрной страной, в 60-х поддерживали Лютера Мартина Кинга, в 70-х мы поддерживали движение против апартеида. И только начиная с 80-х мы стали более реалистичной страной и сфокусировались больше на вопросах экономического развития и сотрудничества с другими мировыми державами. Учитывая экономические успехи, которых добился Китай в последнее время, мы и впредь будем добиваться одобрения международным сообществом нашего вклада в его улучшение и усиления нашей ответственности за решение глобальных проблем.

Х.А.: Должны ли университеты всего мира сотрудничать в вопросах преподавания предмета глобальной гражданственности?

Д.Ш.: Ваша концепция глобальной гражданственности должна привлечь внимание всех мировых университетов, и Китай может внести важный вклад в продвижение этой идеи. Полагаю, что имело бы смысл создать глобальную ассоциацию университетов, объединенных идеей преподавания нашего предмета, и университет Фудана почел бы за честь в нее вступить. Такая ассоциация могла бы быть построена на общей философии, причем различные университеты могли бы иметь свои собственные программы преподавания предмета глобальной гражданственности, принимая во внимание специфику своих стран. При этом я считаю, что нам необходимо быть искусными в попытке формирования понятия глобальной гражданственности в собственных реалиях. У университета Фудана уже есть опыт международного сотрудничества, например с университетом Вашингтона в Сент-Луисе. У нас есть общая программа по вопросам ликвидации ядерного оружия, и этот опыт мог бы быть полезным в планировании преподавания вопросов глобальной гражданственности.

Хавьер Солана, бывший министр иностранных дел Испании, бывший Генеральный секретарь НАТО и Верховный представитель Европейского союза по общей внешней политике и политике безопасности

Хакан Алтинай.: Как вы считаете, достаточно ли сегодня существует инструментов управления нашей глобальной взаимозависимостью?

Хавьер Солана: Сегодня в мире происходят очень глубокие изменения, в их числе и мегапроцесс глобализации. Нам ничего не остается кроме взаимной ответственности. Наша взаимозависимость — это реальность, которая требует ответственных решений. Теперь перед нами стоит другой вопрос — кто главный актер в решении проблем взаимной зависимости. В еще недавнем прошлом ответ был бы однозначным — государство. Сегодня к государству в классическом понимании добавились новые акторы, хотя, безусловно, государство все еще играет главную роль. Мы уже переросли концепцию Вестфальского порядка, хороший пример — Европейский союз. Нам нужно идти дальше и создавать что-то подобное тому, что вы называете «глобальной гражданственностью», на основе гражданского общества и Интернета. Вряд ли это станет «большим взры-

вом», это будет скорее процесс, своевременный, привлекательный и очень необходимый.

Не стоит рассчитывать, что этот процесс запустится сам и пройдет быстро и легко. Мы должны принять во внимание различные культуры, религии и исторический опыт. Лучший путь к запуску этого процесса — диалог.

Х.А.: Действительно, это будет не быстрый и не легкий процесс. На самом деле речь идет о некоем социальном контракте, в этот раз глобальном.

Х.С.: Вы ведь помните, как много было превратностей и сколько выстрадано на пути создания социального контракта даже в одном государстве.

Х.А.: Если бы у вас была возможность обратиться к семимиллиардному жителю планеты, что бы вы ему сказали?

Х.С.: Я отношу себя к оптимистам, поэтому я скорее всего рассказал бы о приятных вещах. Но я обязательно остановился бы на ответственности и обязанностях, которые являются обратной стороной любого шанса или возможности. Надо обязательно объяснить новому человеку, что он не одинок, что вокруг живет огромное множество людей и что все они связаны между собой. Я бы рассказал ему об ответственности перед другими людьми и просил бы его передавать это знание

дальше — потому что это единственный ключ к выживанию и благосостоянию человечества.

Х.А.: Сегодня существует некое представление о том, что взаимозависимость не так существенна, как власть. И что настоящая власть — это жесткая власть. Вы были главой испанского, европейского и североатлантического ведомств по внешней политике и безопасности в течение многих лет, считаете ли вы такую точку зрения верной?

Х.С.: Мне кажется, существует неверное историческое толкование этого суждения. Мы сталкиваемся с огромным количеством проблем, для которых в принципе не существует решения путем применения жесткой силы. Я был серьезно впечатлен тем, насколько широко признается, что жесткая сила — это способ решения большинства наших проблем сегодня. В разговоре о власти легко прослыть наивным, но мне кажется, что понимание того, что в сжимающемся мире люди неминуемо сближаются, далеко от наивности. И людям не остается другого, кроме как изобрести нечто подобное глобальному социальному контракту.

Х.А.: Способна ли Европа предложить какое-то средство, чтобы решить эту головоломку?

Х.С.: У Европы есть несколько особенностей, которые мне глубоко симпатичны. Европа — это

единственное место на земле, где несколько стран решили свободно, без применения силы отказаться от части суверенитета. Европа — это, если угодно, региональная модель реализации идеи глобальной гражданственности. Нас 500 миллионов человек, и внутри Европейского союза мы обладаем четырьмя основными свободами — перемещение людей, товаров, услуг и финансов. Мы ничего никому не навязываем, но, мне кажется, наш опыт мог бы вдохновить тех, кто в нем заинтересован.

Х.А.: Как вы представляете себе обсуждение подобных вопросов?

Х.С.: Подобные дискуссии должны происходить в каком-то центре знаний, а именно — в университете. Университетская публика должна быть по определению открыта новым идеям и глобальному знанию. У нас также существует немало некоммерческих организаций, которые ведут важную работу по формированию панглобального сознания и солидарности. И, безусловно, место для таких дискуссий в Интернете, который сам сотворил виртуальных граждан.

Х.А.: Стоит ли это транслировать по телевидению, чтобы донести мысль до самого далекого уголка нашей планеты?

Х.С.: Безусловно, да.

Х.А.: Есть ли какие-то литературные, философские работы, что-то из произведений искусства или науки, что, по вашему мнению, помогло бы в понимании идеи взаимозависимости? Может быть, в учебный план глобальной гражданственности стоило бы включить общую теорию физики или Сервантеса?

Х.С.: Вы еще ничего не сказали о музыке! Я не считаю себя вправе давать советы университетам, что им включать в учебный план, но одно кажется мне принципиально важным — у людей должно быть открыто сознание. Иной раз довольно одной хорошей книги, чтобы стимулировать дискуссию по этой проблематике. Я могу только добавить, что вопросы войны и мира занимают меня особенно, и в этой связи мне кажется, что Иммануил Кант предвосхитил идею глобальной гражданственности и сам стал первым глобальным гражданином или, быть может, адвокатом глобальной гражданственности.

Хакан Алтинай

ГЛОБАЛЬНАЯ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 14.02.2014. Формат издания 60x84/16.
Печ. л. 6. Тираж 500 экз. Заказ №

Московская школа гражданского просвещения
127006, Москва,
Старопименовский переулок, д. 11/6, строение 1
Тел./факс: +7 (495) 699 01 73
E-mail: mmps@mmps.su <http://www.mmps.ru>